

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРОЦЕСС ЗАКРЫТИЯ ХРАМА, И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ НА МЕСТАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАРИЙСКОГО КРАЯ)

Епископ Феофан (Данченков)

магистр теологии
аспирант кафедры церковной истории
Московской духовной академии
Волжская Епархия Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)
141300, Московская область, г. Сергиев Посад, Лавра, Академия
episkop-feofan@yandex.ru

Для цитирования: *Феофан (Данченков), еп.* Формирование законодательства, регулирующего процесс закрытия храма, и его применение на местах (по материалам Марийского края) // Церковный историк. 2023. № 3 (13). С. 85–103. DOI: 10.31802/СН.2023.13.3.006

Аннотация

УДК 27-74

Октябрьская революция 1917 г. полностью изменила правовой статус Русской Православной Церкви, первые же декреты советской власти были направлены не просто на ликвидацию её привилегий, но на полное устранение её из политической и общественной жизни страны. Стремясь к своей цели, государство использовало широкий спектр мероприятий, в том числе отнимало у верующих храмы, уничтожая или используя их для небогослужбных целей. Для быстрой и эффективной реализации религиозной политики в короткие сроки были разработаны правовые нормы, позволяющие передать их в руки общественных организаций или местных органов власти. В рамках данного исследования рассмотрен процесс формирования советского законодательства, регулирующего закрытие храмов, и реализация правовых норм на местах, а именно на территории

Марийской Автономной Области (МАО). В ходе работы установлено, что в течение 1918–1929 гг. была сформирована законодательная база, на основе которой закрывались храмы как в 1920-е гг., так и в последующее десятилетие. Анализ имеющихся данных позволяет предположить, что с его помощью местным властям в короткие сроки удалось уменьшить количество действующих церквей. При принятии решений они позволяли себе поверхностно подходить к данному вопросу, практически полностью игнорируя интересы верующих. Подобная политика встречала, как правило, поддержку в вышестоящих органах власти, что наглядно свидетельствует о целенаправленной деятельности государства, ориентированной на повсеместное закрытие храмов. Таким образом, целью нормативных актов, регулирующих этот процесс, было достижение одной из установок идеологической политики: полная ликвидация религиозных организаций на территории государства.

Ключевые слова: антирелигиозная политика; нормативные акты; Декрет об отделении церкви от государства; Постановление о религиозных объединениях; Русская Православная Церковь; Марийский край; Областной исполнительный комитет; Воскресенский собор; община верующих.

Formation of legislation regulating the process of closing the temple, and its application on the ground (based on the materials of the Mari Region)

Bishop Theophan (Danchenkov)

MA in Theology

Postgraduate student at the Department of Church History at the Moscow Theological Academy

Volga Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)

Academy, Lavra territory, Sergiev Posad, Moscow region, Russia, 141300.

episkop-feofan@yandex.ru

For citation: Theophan (Danchenkov), bishop. "Formation of legislation regulating the process of closing the temple, and its application on the ground (based on the materials of the Mari Region)". *Church Historian*, № 3 (13), 2023, pp. 85–103 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2023.13.3.006

Abstract. The October Revolution of 1917 completely changed the legal status of the Russian Orthodox Church, the first decrees of the Soviet government were aimed not just at eliminating its privileges, but at completely eliminating it from the political and public life of the country. Striving for its goal, the state used a wide range of measures, including taking away churches from believers, destroying or using them for non-liturgical purposes. For the rapid and effective implementation of religious policy in a short time, legal norms have been developed that allow them to be transferred into the hands of public organizations or local authorities. As part of our research, we will try not only to trace the process of formation of Soviet legislation regulating the closure of churches, but also to consider how legal norms were implemented locally, namely on the territory of the Mari Autonomous Region (MAR). In the course of the study, we came to the conclusion that during 1918–1929 a legislative framework was formed on the basis of which churches were

closed both in the 1920s and in the following decade. Analysis of the available data suggests that with its help, local authorities managed to reduce the number of operating churches in a short time. When making decisions, they allowed themselves to approach this issue superficially, almost completely ignoring the interests of believers. Such a policy was, as a rule, supported by higher authorities, which in our opinion clearly demonstrates the purposeful activity of the state aimed at the widespread closure of churches. Thus, the purpose of the normative acts regulating this process was to achieve one of the goals of ideological policy: the complete elimination of religious organizations on the territory of the state.

Keywords: anti-religious policies; regulations; Decree on the separation of church and state; Resolution on Religious Associations; Russian Orthodox Church; Mari Territory; Regional Executive Committee; Resurrection Cathedral; community of believers.

Двадцатый век для Русской Православной Церкви стал временем новых испытаний и трудностей. Вся предшествующую историю она была связана с государством, её имущество оберегалось, а духовенство имело привилегированное положение. Октябрьская революция 1917 г. полностью изменила столетиями складывающийся правовой статус Церкви в российском государстве: первые же декреты советской власти были направлены не просто на ограничение её деятельности, но на полное устранение её из политической и общественной жизни¹.

Причины такого отношения советского правительства к Русской Православной Церкви уже более трёх десятилетий обсуждаются в научной среде. В целом исследователи сходятся в том, что они связаны как с особенностями её правового статуса в Российской империи, так и с новой государственной идеологией. Безусловно, целью религиозной политики руководства страны в 20-е гг. XX в. была полная ликвидация всех религиозных организаций на территории СССР, в первую очередь, Русской Православной Церкви².

Для её достижения государство использовало широкий спектр мероприятий: антирелигиозная пропаганда, вмешательство во внутренние дела Церкви, поддержка раскольнических движений, репрессии в отношении священнослужителей и прихожан, дискредитация верующих в глазах общества и т. д. Отлично понимая, что центром православной религиозной жизни является богослужение, советское правительство старалось ограничить возможность его полноценного проведения, разрушая или закрывая под разным предлогом храмы. Для решения этой задачи был разработан комплекс правовых норм, позволяющих на законных основаниях отобрать храм у верующих и поступить с ним по своему усмотрению. Данная деятельность сталкивалась с сопротивлением не только духовенства, но и местного населения, продолжавшего в большинстве своём воспринимать церковь неотъемлемой частью своей жизни³.

Целью исследования является определение эффективности новых правовых норм в реализации государственной религиозной политики.

- 1 Козлов Ф. Н. Государственно-церковные отношения в 1917 – начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР (на примере республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М., 2017. С. 46.
- 2 Митрофанов Г., протоиерей. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонение. Церковь в пленении. М., 2021. С. 104.
- 3 История Русской Православной Церкви. Том 3. XX – нач. XXI.: учебник бакалавра теологии. М., 2022. С. 92.

Для её достижения необходимо решить следующие задачи: во-первых, проследить процесс формирования советского законодательства, регулирующего порядок закрытия храма. Во-вторых, рассмотреть, каким образом реализовались правовые нормы на местах. Для решения этих задач были использованы материалы Марийского края. Данный регион представлял собой национальную автономию, образованную в 1920 г. К этому времени уже были сформулированы основные правовые нормы, регулировавшие процесс закрытия храмов, и местные власти имели в руках своеобразный юридический инструмент, позволявший проводить религиозную политику. Изучив реализацию этих норм на территории Марийской Автономной Области (МАО), мы сможем решить третью задачу: оценить, насколько успешно они позволяли достигать необходимой цели: полная ликвидация действующих церквей.

Формирование законодательства, определяющего порядок закрытия храмов, происходит в 1918–1929 гг., основополагающим нормативным актом стал «Декрет об отделении церкви от государства», 12 и 13 статьи которого касаются вопросов церковного имущества. «12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. 13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здание и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»⁴. Объявленная этим декретом фактическая национализация богослужебных зданий стала важным элементом религиозной политики, поскольку создала возможность в любое время отобрать их у религиозных общин. Сама процедура и конкретные условия закрытия храма были описаны в изданных позднее нормативных актах.

24 августа 1918 г. вышло Постановление Народного Комиссариата Юстиции (НКЮ) о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно этому документу, группа, принявшая в пользование храм, брала на себя ряд обязательств, связанных с его содержанием (ремонт, оплата отопления, страховые взносы и пр.), также она должна была следить за тем, чтобы здание использовалось только для удовлетворения религиозных потребностей и вести инвентарную опись имущества. Для использования

4 Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325>. (дата обращения 16.04.2023).

«богослужебного имущества» община должна была заключить договор с местным Советом Рабочих и Крестьянских депутатов. В Постановлении содержатся условия, при которых община теряла возможность пользоваться богослужебным имуществом: «в случае обнаружения Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов злоупотреблений и растрат, немедленно сдать имущество... по первому его требованию...»⁵. Приложением к «Постановлению...» является текст договора, который должна заключить религиозная община с местным советом, один из пунктов которого гласит, что «За непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же за прямое его нарушение, мы подвергаемся уголовной ответственности, по всей строгости революционных законов, причем договор этот Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов может быть расторгнут»⁶.

Возможность использования храма для небогослужебных целей была дана Циркуляром НКЮ от 3 января 1919 г., согласно которому закрыть или использовать «в других целях» храм можно в двух случаях: «1) если не окажется граждан, желающих взять эти здания в использование... 2) если в силу нужды в соответствующем помещении для общепользовательных целей местный Совдеп, отвечая запросу трудящихся масс... постановит соответствующее решение»⁷. Циркулярным письмом НКВД РСФСР об отношении к религиозным обществам от 28 февраля 1919 г. допускалось использование храмов и молитвенных домов для «культурно-просветительных и общественно-политических целей» в случае, если «в данной местности ощущается острый недостаток в зданиях и помещениях... большинство членов местной религиозной общины или прихода не возражает против использования здания или, тем более, даже сочувствует ему»⁸. Декретом о ликвидации безграмотности органам Народного комиссариата просвещения разрешалось использовать в том числе церкви для «ликвидации безграмотности»⁹.

В условиях некоторого смягчения антирелигиозной политики 19 июня 1923 г. вышло постановление НКЮ РСФСР, НКВД РСФСР

5 Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918, 1919, 1920, 1921, 1922 гг. М., 1942, С. 849–858.

6 Там же. С. 849–858.

7 Циркуляр по вопросу об отделении церкви от государства. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011366602. (дата обращения: 16.04.2023).

8 Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1. Кн. 3. М., 2018. С. 400.

9 Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1975. С. 50–51.

«Инструкция по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства». Этот документ призывал местные власти принимать во внимание интересы верующих при закрытии храма и учитывать «их привычки и обычаи, статистические данные о количестве населения, пользующегося закрываемым храмом, о вместимости ближайших храмов, их отдалённость от данного района, расходы, произведённые по ремонту закрываемого храма и т. д.»¹⁰. Впрочем, как покажут приведённые ниже примеры, это положение инструкции на практике не соблюдалось.

В это же время были отрегулированы некоторые процессуальные вопросы. 28 марта 1923 г. вышел Декрет ВЦИК, передающий вопрос закрытия храма местной власти: президиумам губисполкомов¹¹, при этом, согласно Циркуляру Президиума ВЦИК от 21 августа 1924 г., община в двухнедельный срок могла обжаловать данное решение в президиуме ВЦИК, и до решения храм не мог быть закрыт¹². Согласно Циркуляру закрывать церкви было нельзя, «если помещение является в данной местности для данного течения единственным или если другого помещения близ пяти верст у данного религиозного течения нет в наличии или не может быть предоставлено взамен закрываемого»¹³. Заслуживает упоминания и следующее положение данного документа: «Не может быть основанием ликвидации религиозного помещения нарушение законов или контрреволюционные действия верующих, принадлежащих к религиозному объединению, заключившему договор на пользование молитвенным помещением, так как фактически им пользуется более широкий круг лиц»¹⁴.

Новое основание для закрытия храма появилось 19 сентября 1927 г. с выходом Циркуляра № 351 НКВД СССР о порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культового имущества, согласно которому волостные исполнительные комитеты и сельсоветы могли запретить использование храмов для богослужения, «если оно (здание храма) грозит падением и обвалом». Примечательно, что аварийное состояние здания должны были подтвердить «по возможности... компетентные

10 Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1. Кн. 3. М., 2018. С. 70.

11 Там же. С. 69.

12 Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1. Кн. 2. М., 2018. С. 58.

13 Там же. С. 58.

14 Там же. С. 58.

в строительстве люди». Для того, чтобы вновь приступить к исполнению богослужений, община должна была произвести ремонт, причём объем и сроки работ определялись специальной технической комиссией, назначаемой местной властью. В случае же отказа выполнить ремонт договор на использование здания между общиной и местной властью расторгался¹⁵.

Положения всех приведённых нормативных актов были объединены в «Постановлении ВЦИК, СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г.». В дополнение к приведённым выше правовым нормам, Постановление содержит следующие положения: «Каждое религиозное общество или группа верующих может пользоваться только одним молитвенным помещением»¹⁶; «Здания религиозного культа подлежат обязательному неокладному страхованию от огня за счёт лиц, подписавших договор...»¹⁷; «Передача здания культа, находящегося в пользовании верующих, для других надобностей (ликвидация молитвенного здания) допускается исключительно по мотивированному постановлению ЦИК автономной республики, краевого, областного или губернского исполнительного комитета...»¹⁸.

Таким образом, в течение 1918–1929 гг. формируется законодательная база, на основе которой закрывались храмы как в 20-е гг., так и в последующие годы существования советской власти. Для того, чтобы оценить, насколько успешно применялись данные законы органами местной власти, рассмотрим несколько случаев, имевших место в Марийской Автономной Области (МАО).

К моменту её образования (1920 г.), были сформулированы основные правовые нормы, регулировавшие процесс закрытия храмов. Уже в середине 20-х гг. в регионе не осталось ни одного действующего монастыря, поэтому местные власти уделяют особое внимание городским храмам, и во второй половине 20-х гг. были закрыты церкви, расположенные в столице республики, Краснококшайске (позднее и в настоящее время Йошкар-Ола), в частности в 1926 г. была закрыта Тихвинская кладбищенская церковь, исторически относившаяся к Воскресенскому собору города.

15 Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917–1943 гг.): Сб. док. Владикавказ, 2014. С. 114–115.

16 Религиозная сельскохозяйственная артель «Добрыниха». 1917–1934 гг.: Сб. док. и материалов. М., 2012. С. 97.

17 Там же. С. 101.

18 Там же. С. 102.

6 апреля 1926 г. Маробместхоз обратился в Областной исполком МАО с ходатайством о её закрытии, приводя следующие основания:

- 1) Тихвинская церковь находится в пользовании общины Воскресенского собора города, таким образом, в ведении одной общины находится два богослужебных здания, но фактически общиной используется только одна соборная, кладбищенская же церковь, как не имеющая отдельного специального для того причта, не используется, и стоит свободной, и совершенно не нужна верующим.
- 2) Острый жилищный кризис в г. Краснокошайске, при котором здание церкви можно было бы использовать для государственного и межевого архивов, после незначительных приспособлений. Данный факт, с точки зрения Маробместхоза, является основанием для применения Циркуляров НКЮ от 3 января 1919 г и НКВД РСФСР от 28 февраля 1919 г.
- 3) В недалеком будущем необходимость в церкви совершенно отпадёт в связи с предстоящим закрытием кладбища¹⁹.

Согласно заключению юриста-консультанта Марийского областного исполнительного комитета (Маробика), данное ходатайство было вполне обоснованным. Ссылаясь на положение Циркуляров НКЮ от 3 января 1919 г. о том, что «кладбищенские храмы, подобно всем остальным зданиям культа, передаются группам граждан на основании нормального договора», он приходит к выводу, что кладбищенские церкви подлежат сдаче самостоятельным группам. Таким образом, здание Тихвинской церкви необходимо изъять из ведения верующих Воскресенского собора и сдать самостоятельной группе верующих. При отсутствии таковой поступить с ним согласно инструкции НКЮ от 24 августа 1918 г.²⁰ (т. е. использовать для городских нужд). Стоит отметить, что ссылка юриста-консультанта на Циркуляр НКЮ от 3 января 1919 г., якобы не позволяющий иметь одной общине два храма, является достаточно сомнительной, поскольку подобная норма появляется позже, в Постановлении ВЦИК, СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г.

Уже 15 апреля Президиум Маробика постановил изъять Тихвинскую церковь из ведения группы верующих Воскресенского собора и предоставить её ввиду жилищного кризиса в г. Краснококшайске в распоряжении Обместхоза для использования согласно инструкции НКЮ

19 ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 175. Л. 51.

20 Там же. Л. 50.

от 24 августа 1918 г.²¹ 18 апреля верующие Воскресенского собора, обсудив данный вопрос на собрании, обратились в Маробик с просьбой не закрывать храм, мотивируя это следующим: он служит памятником для всех погребённых на этом кладбище; без капитального ремонта он не может служить для указанной Маробместхозом цели; храм служит для выноса умерших, а также в нём совершаются заупокойные богослужения; место, выбранное для нового кладбища, крайне неудобно²².

Просьба общины осталась без удовлетворения. После публикации объявления с предложением передать в бесплатное и бессрочное пользование церкви группе верующих²³, 30 августа комиссия Краснокочкайского кантонного исполнительного комитета собралась для выявления ценностей и описи имущества. Отметим, что представитель приходского совета не только отказался участвовать в работе комиссии, но даже отказался выдать ключи от храма, вследствие чего комиссии пришлось самостоятельно изъять их из соборной церкви²⁴. В сентябре прихожанам в трёхдневный срок предлагалось забрать «культимущество»²⁵, а 28 октября, «ввиду отсутствия желающих принять здание церкви для религиозных нужд», она была официально закрыта и передана в Маробместхоз²⁶.

Процедура закрытия Тихвинской церкви, занявшая примерно полгода, была совершена с нарушением существовавшего законодательства: просьба о передаче здания храма поступила не от населения, а от представителей власти. Кроме того, не была доказана невозможность использования одной общиной двух храмов. Были полностью проигнорированы интересы верующих: осталась без внимания традиционная принадлежность кладбищенского храма общине Воскресенского собора, а также его необходимость для совершения отпеваний. Заявление об «отсутствии желающих принять здание церкви для религиозных нужд» также противоречит истине, поскольку община Воскресенского собора была готова это сделать, но ей не дали использовать эту возможность. Главное основание для закрытия храма — жилищный кризис — также вызывает сомнения, поскольку в 1928 г. храм так и стоял закрытым и не применялся для предполагаемых целей²⁷, не был он использован и позже.

21 Там же. Л. 49.

22 Там же. Л. 41.

23 Там же. Л. 73.

24 Там же. Л. 63.

25 Там же. Л. 68.

26 Там же. Л. 46.

27 Там же. Л. 161.

Вскоре после закрытия Тихвинской церкви пришло время и крупнейшего в городе Воскресенского собора. 18 сентября 1928 г. Областной административный отдел обратился в президиум Маробика с заключением о расторжении договора с общиной верующих Воскресенского собора г. Йошкар-Ола и с ходатайством профсоюзных органов о предоставлении здания в их распоряжение для устройства межсоюзного клуба²⁸. Основанием для подобного обращения стал акт описи имущества церкви, проведённый 5 сентября 1928 г. и отметивший ряд нарушений в использовании общиной храма:

- 1) не внесено в инвентарную опись вновь поступившее или списанное имущество
- 2) не вёлся список прибывших и выбывших из общины
- 3) плачевное состояние здания: недостаточное отопление помещения, подгнивший пол в ряде мест, необходимость замены и покраски части крыши, частичное выпадение кирпичей из стены и отпавшая штукатурка с южной стороны храма
- 4) плохое состояние церковной ограды (выпавшие кирпичи из фундамента, подгнившие деревянные решетки) и сторожки (подгнивший пол)
- 5) не внесённый налог и рента за строение храма по 2 сроку (15 августа 1928 г.) на сумму 14 р. 11 коп.²⁹
- 6) неоднократное произнесение проповедей служителями культа, направленных против власти Советов³⁰.

По мнению начальника областного административного отдела Маробика, все эти нарушения, согласно постановлению ВЦИК от 19.04.1923 г. и инструкции НКЮ и НКВД от 19.06.1923 г., служат основанием для расторжения договора³¹. 10 сентября 1928 г. состоялся расширенный пленум Йошкар-Олинского горсовета с участием партийных профессиональных организаций и граждан города, на котором обсуждалось требование рабочих типографии использовать здание церкви под культурно-просветительское учреждение. Решения пленума были следующими: А) просить административный отдел Маробика договор с общиной верующих расторгнуть, предъявив к общине гражданский иск с целью компенсации убытков, причинённых бесхозяйственным ведением дела; Б) Здание

28 Там же. Л. 137.

29 Там же. Л. 130–131.

30 Там же. Л. 138.

31 Там же. Л. 138.

собора бесплатно передать профсоюзам для привлечения его под городской клуб. Основанием для такого решения служили следующие положения: для 10000 человек населения 5 церквей — это очень много; нужно и можно взять не одну церковь, а две, чтобы правильнее обслужить рабочие массы в культурном отношении; клуб необходим для проведения культурной работы в городе и для борьбы с пьянством; собор обслуживает общину верующих всего 50 человек, а если эту церковь изъять и передать под культурно-просветительные учреждения, то оно будет обслуживать более 2000 человек рабочих и служащих, а потому вполне обусловлено требование рабочих и служащих об изъятии одной церкви для обслуживания масс города в культурном отношении³².

На основании данного обращения и акта описи имущества, Президиум Маробисполкома 20 сентября 1928 г. принимает решение расторгнуть договор с общиной верующих, закрыть Воскресенскую церковь, а здание церкви отдать Облпрофсоюзу для использования в культурных целях. Интересны некоторые основания, применённые членами Президиума при принятии решения: «Б) наличие острого жилищного кризиса в городе и отсутствие соответствующих помещений... слабое финансовое состояние профсоюзных органов и местного бюджета, не дающего возможности построить соответствующее новое здание; В) отсутствие культурно-просветительского очага в городе, влекущее за собой среди союзной массы развитие пьянства, хулиганства, падение трудовой дисциплины и ряда других ненормальных явлений; Г) наличие в городе, кроме указанного Воскресенского собора, еще трёх церквей, которые по вместимости, при наличии в указанных церквях незначительного числа верующих, вполне могут обслужить религиозные потребности верующих как города, так и прилегающих деревень»³³.

Прихожане, несогласные с данным решением, направили жалобу в Президиум ВЦИКа, считая такое заключение неосновательным и приводя в доказательство следующие факты:

- 1) Собор является приходским храмом для жителей 5 русских и 2 марийских деревень, а равно части жителей города и отстроен на собственные средства крестьян.
- 2) Не внесения в инвентарную опись вновь поступившего или списанного имущества и отсутствие списка прибывших и выбывших из общины связано с малограмотностью и неопытностью членов общины.

32 Там же. Л. 142.

33 Там же. Л. 150.

- 3) Наличие 7 деревенских приговоров с выраженным в числе свыше 1000 совершеннолетних, желающих вступить в общину и протестующих против закрытия Собора.
- 4) Община принимала все меры к тому, чтобы поддержать собор в надлежащем исправном виде, для чего 3 года тому назад была окрашена крыша собора, произведён капитальный ремонт центрального отопления, потребовавший больших затрат, а равно по мере наличия средств в кассе Общества производился и иной ремонт Собора. Отмеченные же в акте мелкие недочёты в ремонте в настоящее время исправляются и будут исправлены.
- 5) В настоящее время рента и налог за строения Собора в сумме 14р. 11к. внесены в кассу Обфинотдела и никаких недоимок за Собором не числится.
- 6) В проповедях священника Кочеткова община не усматривала и категорически отрицает наличие каких-либо выпадов, направленных против Советской власти. Таковая проповедь не могла иметь место уже потому, что членами Общины и прихожанами Собора являются исключительно крестьяне и рабочие, т. е. трудящаяся масса, стоящая всецело на платформе поддержки Советской власти. К тому же священник Кочетков давно в Соборе не служит, вследствие чего означенное обстоятельство поставлено в вину общине быть не может.
- 7) Переделка Соборного здания под клуб является совершенно нехозяйственной и нецелесообразной ввиду того, что требует больше работы и сноса куполов, каковое сделать в зимнее время совершенно невозможно, но без чего нельзя улучшить акустику и уменьшить затраты на отопление здания Собора, вследствие чего выгоднее выстроить новое деревянное здание, специально под клуб приспособленное.
- 8) Нужда в клубе и культпросвещении в г. Йошкар-Оле в настоящее время частично удовлетворена театром и на днях выстроенным и открытым клубом строителей, где имеется кино и устраиваются лекции³⁴.

В период рассмотрения жалобы Президиумом ВЦИК в соборе продолжались богослужения, но 3 июля 1929 г. она была отклонена³⁵.

34 Там же. Л. 161–163.

35 Там же. Л. 190.

В отличие от Тихвинской церкви, закрытие Воскресенского собора происходило с соблюдением некоторых юридических формальностей: наличие обращения жителей с просьбой о передаче здания; акт, удостоверяющий нарушение общиной договора об использовании храма. С другой стороны, стоит отметить ряд нарушений законодательства, а также своеобразного толкования некоторых документов: Йошкар-Олинский горсовет, утверждая, что собор посещает всего 50 человек, учитывал только заявление о регистрации, для подачи которого нужно было именно такое количество. Поданные позднее деревенские приговоры наглядно свидетельствуют о гораздо большем числе прихожан. Проведя проверку состояния храмового имущества, комиссия обвинила общину в бесхозяйственности, проигнорировав все ремонтные работы, проведённые ими с момента заключения договора. Кроме того, прихожане недоумевали, почему подобные проверки не носили регулярный характер, что позволило бы своевременно исправлять все возникающие нарушения³⁶. Как и в случае с Тихвинской церковью, вызывает вопрос экономическая рациональность приспособления церкви в клуб, поскольку это было связано с серьёзными финансовыми затратами. Можно сделать вывод, что, закрывая Воскресенский собор, местные власти односторонне трактовали существующее законодательство и полностью игнорировали интересы верующих. Это позволило им в короткое время (примерно полгода) расторгнуть договор с общиной, получить одобрение вышестоящего органа власти и закрыть церковь.

Массовое закрытие храмов, происходившее в МАО, затронуло не только города, но и сельскую местность, в качестве примера рассмотрим судьбу Казанской церкви в с. Старый Торъял. В ноябре-декабре 1928 г. в сёлах, составляющих её приход, прошли собрания, в которых поднимался вопрос о необходимости закрытия церкви. Представители местной власти проводили их ежедневно, а иногда успевали провести работу в двух населённых пунктах за один день³⁷, благодаря чему в кратчайшие сроки удалось провести голосования в 28 из 30 поселений, относящихся к приходу. В итоге из 599 присутствовавших на них совершеннолетних 431 высказались за отказ от пользования молитвенным зданием и культымуществом³⁸.

Интересно, что сельские сходы сопровождались антирелигиозной агитацией, например, на собрании жителей деревни Средний Ядыкбеляк

36 Там же. Л. 165.

37 ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 178. Л. 61, 63–67, 69, 70, 75–77, 80, 86.

38 Там же. Л. 108.

товарищ Рыбаков утверждал следующее (язык и стиль оригинального текста сохранены): «Религия — это есть дурман народа, который не даёт никакой пользы народу... советская власть должна изжить все религиозные культы... в особенности нам марийцам необходимо отказаться от церковных верований, каковые не дают пользы кроме вреда»³⁹. 7 декабря 1926 г. в деревне Нурумбал также был представлен доклад о происхождении религии, в котором говорилось следующее (язык и стиль оригинального текста сохранены): «...религия произошла первоначально в Греции Апполон. Они сделали его своими собственными руками и стали приносить им все возможные жертвоприношения. Постепенно из Греции перешла в Европу. Там был первый Перун и его жена Афина. Когда народ стал культурнее эти своеручные истуканы не стали оправдывать своё назначение, то священники придумали другую религию, т. е. более усовершенствованную с её различными чудесами о Марии и Иисусе... Раньше мало того, что поп агитировал о религии, но и школа прежняя была под влиянием религии и вот начальная школа выпускает ребят, только умеющих читать молитвы. Взять ещё церковный обряд, в праздничные дни церковь бывает битком набита и из этой толпы много больных и заразных и здоровые заражаются от причастия и прикладывания... Но когда стала советская власть, народ стал развиваться, и религия стала постепенно отпадать. Ведь был, например, голод,.. вымерли те, кто тёмн и не мог выйти бороться с засухой, а жил тот хорошо и не голодал тот, кто работал по агрономии... Православная религия произошла ни сверху, а её сделали сами священники, и там выводили свои законы. Кому приносила пользу Церковь? Исключительно буржуям... мы все нуждаемся в развитии, а для этого нужны здания и вот у нас церковное здание свободное и вот давайте его используем. Наш угол тёмный он нуждается в просвещении и церковь эту необходимо использовать как клуб и когда масса будет пользы как по агрономии»⁴⁰.

7 декабря 1928 г. был проведён осмотр церкви, согласно которому износ здания составлял 80 %, и оно не стоит затрат на капитальный ремонт, кроме того, комиссия указала на отсутствие инвентарной книги и контроля за прибывающим имуществом. Исходя из перечисленного было заявлено о нарушении общиной нескольких пунктов договора и необходимости его расторгнуть⁴¹. 25 января 1929 г. поступило

39 Там же. Л. 63.

40 Там же. Л. 80.

41 Там же. Л. 103.

заявление от заведующего Старо-Торьяльской «Школы Коммунистической Молодёжи» с просьбой передать здание церкви и находящиеся рядом постройки в ведение учебного заведения⁴².

5 мая 1929 г. президиум Новоторьяльского кантонного исполнительного комитета на основе акта осмотра церкви, голосований сельских сходов, а также того, что «в данном районе совершенно отсутствуют помещения под культпросветучреждения... и поступают настойчивые требования местных общественных организаций о предоставлении указанного выше помещения под клуб с соответствующим приспособлением для данной цели»⁴³, принимает решение расторгнуть договор с общиной верующих и передать храм в распоряжение кантонного отдела народного образования. Кроме того, президиум посчитал, что закрытие храма не ущемляет интересы верующих, поскольку «Церковь в Старом Торьяле находится на расстоянии 6 км от п. Торьяла, а значит верующие... вполне могут обслуживать свои религиозные потребности вхождением в составе Торьяльской общины»⁴⁴.

16 августа Марийский областной административный отдел утвердил решение президиума⁴⁵, но фактически оно так и не вступило в силу, поскольку 5 октября техническая комиссия признала здание слишком ветхим, оценив его изношенность уже в 95 %, исходя из этого было принято решение прекратить в нём богослужения⁴⁶. 6 ноября 1929 г. начальник Марийского областного административного отдела, признав общину верующих виновной в таком состоянии здания, принял решение снести храм⁴⁷.

При организации закрытия Казанской церкви вновь обращает на себя внимание факт нерационального предполагаемого использования здания (нецелесообразность ремонта которого признали сами члены комиссии), поскольку главным мотивом выступила здесь именно необходимость его приспособления под культурно-просветительские цели. Данный случай в очередной раз демонстрирует, как местные власти игнорируют интересы верующих, нарушая Декрет ВЦИК от 1924 г., предписывающий не закрывать храм в случае, если «другого помещения близ пяти верст у данного религиозного течения нет

42 Там же. Л. 102.

43 Там же. Л. 108.

44 Там же. Л. 108.

45 Там же. Л. 110.

46 Там же. Л. 118.

47 Там же. Л. 120.

в наличии или не может быть предоставлено взамен закрываемого»⁴⁸. Этот эпизод вновь доказывает, что местные власти могли достаточно однобоко толковать законодательство и в короткие сроки подготовить все необходимые для закрытия церкви документы.

Подводя итог, стоит отметить некоторые общие для приведённых случаев факты: все храмы были закрыты в короткий срок (в течение полугода); местные власти относились к вопросу поверхностно и в своих действиях старались соблюсти только формальности, необходимые для принятия решения о расторжении договора с общиной; во всех случаях игнорировались интересы верующих.

Анализ имеющихся материалов доказывает, что сформированное в 20-е гг. XX в. законодательство позволяло местным властям в короткие сроки отобрать храм у верующих, для того чтобы использовать его в своих интересах или просто разрушить. При принятии решений они позволяли себе поверхностно подходить к данному вопросу, практически полностью игнорируя интересы верующих. Подобные действия встречали поддержку в вышестоящих органах власти, что свидетельствует о целенаправленной деятельности государства, сосредоточенной на повсеместном закрытии храмов. Можно сделать вывод, что целью нормативных актов, регулирующих этот процесс, было достижение главной задачи государственной религиозной политики: полная ликвидация религиозных организаций на территории государства.

К сожалению, в ходе изучения не удалось оценить, насколько остро местное население реагировало на антирелигиозную политику советской власти в связи с недостаточной освещённостью данного вопроса в архивных материалах. Несмотря на это, результаты работы имеют большое значение для подготовки комплексного исследования, освещающего религиозную политику на территории Марийского края в годы советской власти. Нормативные акты, изданные советской властью в 20-е гг. XX в., стали правовой основой для закрытия храмов и в последующее десятилетие, в ходе дальнейшего исследования будут проанализированы особенности их применения в 30-е гг., когда фактически на территории Марийского края не осталось ни одной действующей церкви.

48 Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы : в 6 т. Т. 1. Кн. 2. М., 2018. С. 58.

Библиография

Опубликованные источники

- Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917–1943 гг.): Сб. док. / ФГБУН Северо-Осетинский ин-т гуманитар. и социал. исслед. им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и правительства РСО-Алания; Авт.-сост. Б. А. Синанов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014.
- Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. — 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975.
- Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325>. (дата обращения 16.04.2023).
- Религиозная сельскохозяйственная артель «Добрыниха». 1917–1934 гг.: Сб. док. и материалов / Глав. архив. упр. Моск. обл., Гос. казен. учреждение Моск. обл. «Центр. гос. архив Моск. обл.»; Авт.-сост. протоиерей Александр Васильев, Ю. Н. Герасимова, О. Е. Думенко и др. М.: Приход собора Всех святых, в земле Российской просиявших, г. Домодедова, 2012.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918, 1919, 1920, 1921, 1922 гг. М.: Изд. Управление делами СовНаркКома СССР, 1942.
- Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 2: Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений / отв. сост. М. И. Одинцов; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волхонская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, М. М. Одинцова. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 3: Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / отв. сост. М. И. Одинцов; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волхонская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Циркуляр по вопросу об отделении церкви от государства. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011366602 (дата обращения: 16.04.2023).

Неопубликованные источники

- ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 175
- ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 178

Литература

- Ерошкин Ю. В.* Епископ Авраамий (Чурилин). // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения X научно-богословской конференции. 24–25 мая 2007 г. Йошкар-Ола, 2007. С. 68–77.
- История Русской Православной Церкви. Том 3. XX — нач. XXI.: учебник бакалавра теологии. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Изд. дом «Познание», 2022.
- Козлов Ф. Н.* Государственно-церковные отношения в 1917 — начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР (на примере республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Митрофанов Г., протоиерей.* Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонение. Церковь в пленении. М.: Практика, 2021.
- Смыкалин А. С.* Государственно-конфессиональные отношения в СССР в 1917–1939 гг. // Российское право. 2016. № 5. С. 18–23.